

С. С. СИБАТРОВА (Йошкар-Ола)

О СУФФИКСАХ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract. On the Suffixes of Russian Origin in Mari

Mari and Russian belong to different language families and typological classes. In spite of that it is possible that in an environment of active Mari-Russian bilingualism even bound morphemes can be borrowed. These morphemes are borrowed into the language alongside frequent or less frequent lexemes. After recognizing and distinguishing them as separate morphemes they may be used in conjunction with stems other than the ones they were borrowed with according to the principle of analogy. In the Mari language there are a number of inflectional and derivational suffixes of Russian origin. These are markers of subjective evaluation *-уш*, *-ук*, *-у*, *-ка* (mostly used in pronouns of Russian origin) and derivational morphemes *-ишкӓ*/*-ишка*, *-ук*, *-ушка*, *-ец*, *-ун*, *-ар* observed in certain dialectal words. The suffixes *-ишкӓ*, *-ук*, *-ушка*, *-ец* form new lexemes from Mari stems in the Hill Mari dialect, mostly with semantics referring to persons. In the North-Western dialect, one such word with the suffix *-ун* has been attested, while the Meadow-Eastern Mari literary language features a lexeme with the suffix *-ар*.

Keywords: Mari language, Russian language, borrowed suffixes, suffix derivation.

Известно, что уже в уральском и финно-угорском праязыках суффиксальное словообразование играло заметную роль. Так, для уральского языка-основы П. Хайду, опираясь на фонетико-грамматические критерии, предполагает не менее 100 глагольных, именных, местоименных суффиксов и их сочетаний (Хайду 1985 : 250—251). Чрезвычайно богато использовался суффиксальный способ словообразования и в финно-угорском праязыке (Майтинская 1974 : 330). В уральских (финно-угорских) языках суффиксация до сих пор остается одним из основных средств словопроизводства, однако состав этих средств претерпел большие изменения. Наряду с восходящими к праязыкам, в отдельных языках появились новые суффиксы, которые образовывались по-разному — сложением суффиксов, переходом знаменательных слов в суффиксы, а также путем заимствования (Майтинская 1974 : 331—333). Принято считать, что заимствование словообразовательных морфем происходит в результате их вторичного выделения из большего числа заимствованных слов (ЛЭС 158, см. также 159). Для признания какого-либо словообразовательного элемента заимствованием необходимо, чтобы он стал продуктивным (Майтинская 1974 : 333).

Специальные работы и разделы в грамматиках позволяют утверждать, что в современном марийском языке в частях речи выделяется около 150 деривационных суффиксов, разных по продуктивности и происхождению. По результатам исследования И. С. Галкина, среди проанализированных им 88 словообразовательных суффиксов преобладают исконно марийские, только 24 вместе с заимствованной лексикой вошли из других языков, из них 21 из тюркских и лишь три из русского или через его посредство (*-ук, -уш, -ишка*), к тому же «ни один не получил в современном марийском языке продуктивности, в то время как суффиксы тюркского происхождения [---] иногда способны даже конкурировать с собственно-марийскими суффиксами» (Галкин 1966 : 160). Различие в количестве и продуктивности тюркских и русских заимствованных суффиксов справедливо объяснено автором (при былом наличии двуязычия в первом случае и активном двуязычии во втором) типологической близостью чувашского и марийского языков (Галкин 1966 : 147). Интересно, что в диалектах близкородственных мордовских языков Д. В. Цыганкиным выявлено несколько суффиксов, восходящих к русским источникам: *-ов'ник, -онка, -ун, -н'а, -ан'ка/ -н'ка, -она* (1981 : 36, 50, 54—57). Наблюдается использование рус. *-ка, -чек, -ник, -овый* с исконными словами в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка (Федосеева 2010 : 157).

Марийская лексика характеризуется обилием русизмов, в том числе с исходной суффиксальной производной структурой. Так, судя по материалам Н. И. Исанбаева из рукописных и опубликованных словарей XVIII и XIX вв., многочисленные единицы, образованные в языке-источнике суффиксальным способом, зафиксированы в марийском языке уже в то время. В выделенных тематических группах больше всего русизмов с суффиксами *-ник* (типа *плотникъ, охотныйк, празник, ученик*) и *-к(а)* (типа *решотка, кривенка, коропка*); представлены существительные с *-щик, -чик, -иц(а), -ни(е), -ени(е), -нь(е), -(н)я, -ушк(а), -ин(а), -тель, -арь, -б(а), -об(а), -ик, -очк(а), -ух, -ач, -ин, -урк(а), -бищ(е), -цы* (мн.), *-ант, -ок, -ух(а), -лк(а), -ачк(а), -енк(а), -ость, -ств(о)*. В перечнях есть прилагательные (иногда в значении существительных) на *-ный/-ной, -ой/-ый, -овый/-овой* (см. Исанбаев 2007 : 52—56; 2009 : 24—36). Список русских заимствований в монографии А. А. Саватковой (1969 : 88—124) также содержит много суффиксальных производных с разными формантами. Среди них преобладают существительные с суффиксами *-к(а), -ник, -ик*, прилагательные на *-ный/-ной, -ый/-ой/-ий*. Встречаются единичные заимствованные существительные с *-ок, -щик/ -чик, -ец, -тель, -ни(е), -нь(е), ени(е), -арь, -ач, -ир, -ин(а), -ун, -ух, -ец, -иц(а), -нищ(а), -н(я), -лк(а), ушк(а), -очк(а), -ость, -ств(о), -ист, -изм*, прилагательные на *-овый/-овой, -ский*, наречия на *-о, -ом* и др.

По поводу статуса многочисленных суффиксов русизмов мнения марийских лингвистов различны. Во всех работах признается распространение этих суффиксов только в заимствованиях и их непродуктивность в отношении марийского языка, однако некоторые авторы в морфемном членении при параллельном проникновении соответствующих непроемных основ, производящих основ, соотносительных себе родственных слов, однокоренных слов (или образований) выделяют эти суффиксы и в марийском языке: *трактор-ист* (*трактор*), *автомат-чик* (*автомат*), *журнал-ист* (*журнал*), *команд-ир* (*команда*), *сибир-як* (*Сибирь*),

акробат-ика (акробат), баян-ист (баян), ком-едий (ком-ик), геро-изм, ком-мун-ист, лимон-ад, почт-амт и др. (Патрушев 1954 : 32; СМЯМ 90; Лаврентьев 1975 : 59; 1977 : 41; 1984 : 37, 49—50, 53). Все же квалифицируются они как вошедшие в марийский язык из русского или через него, как заимствованные. Г. И. Лаврентьев для обозначения суффиксов, сохраняющих иноязычный — русский или интернациональный колорит, употребляет термин «суффиксоид» (1984 : 37, 49—50, 53). Однако, рассматривая лексические заимствования с суффиксоидами как членимые на морфемы слова, условно-членимые образования и в марийском языке, признает их целостность со словообразовательной точки зрения, так как это не продукт марийского словообразования (Лаврентьев 1984 : 49, 52—53). В работах И. С. Галкина, З. В. Учаева, О. А. Сергеева суффиксоиды не выделяются и соответственно какому-либо анализу не подвергаются.

Предметом данной статьи будут только те суффиксальные элементы русского происхождения, которые в той или иной степени участвуют в марийском слово- и формообразовании. Их немного, это хорошо известные формы субъективной оценки при личных именах и некоторые морфемы, с помощью которых образовались малочисленные и единичные марийские слова в отдельных диалектах. В статье будут рассмотрены уменьшительно-ласкательные суффиксы *-уш*, *-ук*, *-у* в личных именах русского происхождения, элементы *-ов(а)*, *-ев(а)*, *-ский*, *-ская*, *-ин(а)*, *-ович*, *-евич*, *-овна*, *-евна*, *-ыч*, *-ычна* в фамилиях, псевдонимах и отчествах, форманты *-ишкӓ/-ишка*, *-ук*, *-ушка*, *-ец*, *-ар*, *-ун* в диалектных словах. Основное внимание обращено на их употребление с марийскими словами и их конкретные источники.

В современных марийских грамматиках среди суффиксов субъективной оценки существительных отмечаются показатели уменьшительно-ласкательные *-уш*, *-ук*, *-у* для имен собственных (СМЯМ 91; Учаев 1982 : 92; Сергеев 1995 : 18—19). И. С. Галкин (1966 : 31—32, 148; 1986 : 92), А. А. Саваткова (1969 : 59), О. А. Сергеев (1995 : 28) относят их к русским заимствованиям; они обращают внимание на употребление данных суффиксов, как правило, в личных именах, вошедших в марийский язык из русского: *Колюк*, *Зинук*, *Нинук*, *Санук*, *Санюк*; *Ваню*, *Колю*, *Петю*, *Маню*, *Варю*, *Марю*, *Аню*; *Ванюш*, *Ануш*, *Колюш*, *Веруш* и т. д. В работах приводятся и примеры их использования в фонетически освоенных именах русского происхождения, а иногда даже в марийских именах: марЛ *Качук* < *Кача* (< рус. *Катя*), *Печук* < *Печа* (< рус. *Петя*), ср. марГ *Петюк*; марЛ *Мичук* < *Мича* (< рус. *Митя*), ср. марГ *Митюк*; *Эчук* < *Эчан* (Саваткова 1969 : 59); *Майра* — *Майруш*, *Витя* — *Вичук*, *Митя* — *Мичу* (*Митю*) (Сергеев 1995 : 16—17). В списке русских заимствований А. А. Саватковой есть ряд других ласкательных форм имен, зафиксированных в марийских диалектах: *Лосу*, ср. *Локсандыр* (< рус. *Александр*); *Насту*, ср. *Наста* (< рус. *Анастасия*); *Онтру*, ср. *Онтри* (< рус. *Андрей*); *Арсуш*, ср. *Арси*, *Арсен(у)* (< рус. *Арсентий*); *Варуш*, *Варвуш* (< рус. *Варвара*); *Веруш*, ср. *Вера*; *Лайу*, ср. *Лаймыр*, *Влаймыр* (< рус. *Владимир*); *Йелу*, ср. *Йелна* (< рус. *Елена*); *Качу*, ср. *Качи*, *Качыри* (< рус. *Катерина*); *Майук(а)*, *Майу*, *Марйуш*, *Ману*, ср. *Марйа*, *Майра* (< рус. *Мария*); *Найок*, *Найуш* (< рус. *Надежда*); *Сергуш*, *Серук*, ср. *Серге* (< рус. *Сергей*); *Чопук*, *Чопик*, ср. *Стопан*, *Стапан* (< рус. *Степан*); *Вейу*, ср. *Вӧдыр* (< рус. *Федор*); *Йаку*, ср. *Йакып* (< рус. *Яков*) (Саваткова 1969 : 88—124). Надо заметить, что в быту ласкательные имена

часто существуют самостоятельно от соотносительных официальных имен, при этом суффиксы как бы теряют свое прямое назначение.

По предположению И. С. Галкина, источником мар. *-уш* послужил русский суффикс *-ушка*: *Аннушка, Ванюшка, Колюшка*. Считается, что конечный компонент *-ка* при этом эмфатически отпал: *Ванюшка > Ванюш* (Галкин 1966 : 32). Действительно, возможное отпадение в какой-то мере подтверждают два момента: наличие в диалектах (судя по материалам А. А. Саватковой) имен и с полным уменьшительно-ласкательным суффиксом типа *Онтрушка, Насташка, Йипишка (< Ефим), Ййшкӓ (< рус. Яков)* (Саваткова 1969 : 88, 97, 124); выпадение целого слога или звукосочетания в конце фонетически приспособленных имен: *Крофи < Аграфена; Овроси, Йеврос < Ефросинья; Проска, Праска, Проски < Прасковья; Серап, Серафи < Серафима; Сапан'и, Сапан'а, Цыпан'и < Степанида; Мекен' < Викентий; Кыстат' < Константин* (Саваткова 1969 : 88, 97, 111, 117, 92, 100). Однако нельзя не учитывать, что в русском языке для выражения экспрессии в личных именах наряду с *-ушк(а)*, орф. *-юшк(а)* и др., активно функционирует *-уш(а)*, орф. *-юш(а)*: *Андрюша, Павлуша, Лидуша, Веруша, Ванюша, Катюша* (Виноградов 1947 : 81, 136, 144; КРГ 70). На наш взгляд, более вероятны в качестве источников марийских ласкательных имен последние формы, т. е. с *-уш(а)*, у которых в процессе проникновения мог утратиться конечный безударный *а* в открытом слоге: *Варуш < Варюша, Веруш < Веруша, Наюш < Надюша, Сергуш < Сергуша*. Для марийского языка выпадение безударных гласных, прежде всего *а*, в конце русских заимствований было одной из особенностей (Грузов 1965 : 138; 1969 : 138; Саваткова 1969 : 22). То же прослеживается и в личных именах, в том числе на *-ш(а)*: *Олош < Алеша (Алексей); Аркаш < Аркаша (Аркадий); Йевлаш < Евлаша (Евламния); Тимош < Тимоша (Тимофей); Криш, Криша < Гриша (Григорий); Варвар < Варвара; Олон, Йелен < Елена; Лисавет < Елизавета; Матран, Матрон < Матрена; Микит < Никита; Фаин < Фаина* (Саваткова 1969 : 88, 89, 97, 118, 94, 106, 91, 97, 103, 105, 120).

Вопреки мнению Б. А. Серебренникова о прауральском происхождении суффикса *-ук* (и несмотря на наличие параллелей в пермских и венгерском языках), И. С. Галкин его источником в марийском и чувашском языках считает рус. *-ок*: *Сашок, Ванек*. Он предполагает переход *о* в *у* в ударном конечном слоге: *кужо — кужу* 'длинный', *кйчйк — кйчйк* 'короткий', ср. рус. *Санёк > Саньук, Ванёк > Ваньук* и обобщение этого явления на большинство собственных имен, вошедших из русского языка (Галкин 1966 : 31–32). Возможна и иная версия — *-ук* может быть связан с непродуктивным в настоящее время русским экспрессивным суффиксом *-ух(а)*, выступающим и в собственных именах типа *Ванюха, Веруха, Митюха* (Виноградов 1947 : 136; КРГ 71). О допустимости этого свидетельствует и наличие в марийском языке таких пар, как *Анук — Анука* (см. Саваткова 1969 : 88). При заимствовании русских личных имен с суффиксом *-ух(а)* произошли, как в случае с *-уш(а)*, выпадение безударного *а* в конечном открытом слоге и закономерный переход *х* в *к* (ввиду отсутствия первого в марийском языке в более ранний период): *крен* 'хрен', *сукара* 'сухари', *лемек* 'лемех', *манак* 'монах', *порок* 'порох', *кон'ык* 'конюх', *пастук* 'пастух', *воздук* 'воздух' и др. (Грузов 1965 : 214; 1969 : 180; Саваткова 1969 : 46).

Не совсем ясно происхождение суффикса *-у*. Так, по И. С. Галкину, формы на *-у* (*Ваню, Саню*) являются сокращенным вариантом формы на *-ук* (1966 : 32). Правда, некоторым подтверждением может служить отпадение конечных согласных в личных именах, что наблюдалось довольно часто: *Ел'ыксе, Елексе, Л'ексе, Л'йксе* < *Алексей*; *Андри, Антри, Онтри, Онтре, Онтыри* < *Андрей*; *Вал'ент'и* < *Валентин*; *Каври, Кävри* < *Гавриил*; *Караси* < *Герасим*; *Йепи, Йефи* < *Ефим*; *Йепре* < *Ефрем*; *Кыстинчи, Кыстанти* < *Константин*; *Он'ис, Он'иси* < *Онисим*; *Орт'е* < *Ортем*; *Т'мапи, Тымаки, Тынапи, Т'имохе* < *Тимофей*; *Тропи, Тырофи* < *Трофим*; *Йако, Йаку* < *Яков* (Саваткова 1969 : 88–124). Иначе объясняет русское происхождение *-у* А. А. Саваткова: «представляет нечто иное, как окончание винительного падежа *-у*. Мари восприняли его как уменьшительно-ласкательный суффикс» (Саваткова 1969 : 59).

Необходимо добавить, что в личных именах русского происхождения, в том числе в претерпевших заметные звуковые изменения на почве марийского языка, как показывают материалы А. А. Саватковой, встречаются и другие суффиксы субъективной оценки. Из них более активен *-к(а)*: *Опон'ка* < *Агафон*; *Сан'кы* < *Александр(а)*; *Вäl'кä, Вал'ка* < *Валентин*; *Мен'ка* < *Вениамин*; *Йен'ка* (ср. *Йенä, Йенай*) < *Геннадий*; *Микитка* < *Никита*; в единичных примерах выступают: *-очк(а)* — *Волочка* < *Владимир*; *-ун(я)* — *Костун'* < *Константин*; *-ик* — *Чопик* < *Степан*; *-ур* — *Сан'ур* < *Александр(а)* (Саваткова 1969 : 88, 91, 93, 105, 92, 100, 117, 88). Марийские имена русского происхождения, в том числе их экспрессивные формы, заслуживают многостороннего изучения с привлечением более современных фактов.

Считается, что из русского языка заимствованы суффиксы *-ов(а), -ев(а), -ский, -ская, -ин(а), -ович, -евич, -овна, -евна, -ыч, -ычна*, образующие фамилии, псевдонимы, отчества (Учаев 1982 : 86; Сергеев 1995 : 15). Объясняется это тем, что фамилии у марийцев появились только под русским влиянием, в связи с необходимостью записи в актах гражданского состояния, при переписи, при зачислении в рекруты и т. д. (Галкин 1983 : 6). Названные суффиксы участвовали в образовании фамилий, псевдонимов и отчеств от марийских слов следующих лексикограмматических групп: а) личные имена: *Тойки* > *Тойкиев(а)*; *Пайбулат* > *Пайбулатов(а)*; *Сапай* > *Сапаев(а)*; *Шумат* > *Шуматов(а)*, *Шуматыч(на)*; *Изерге* > *Изергин(а)*, *Изергевна*; *Кугерге* > *Кугергин(а)*, *Кугергевич*; *Тойблат* > *Тойблатовна*; *Энсай* > *Энсаевна*; б) нарицательные существительные: *черемис* > *Черемисов(а)*, *Черемисин(а)*, *пйнчер* 'сосняк' > *Пйнчерский*, *ломбер* 'черемушник' > *Ломберский*; в) прилагательные: *йошкарге* 'красный' > *Ешкаргин(а)*; а также от субстантивных словосочетаний: *кугу йол* 'большая нога' > *Кугуелов(а)*; *кугу нер* 'большой нос' > *Кугунеров(а)* (Учаев 1982 : 86; Сергеев 1995 : 15). О генетическом статусе таких образований есть и другое мнение. Подобные фамилии И. С. Галкин квалифицирует как русские фамилии марийского происхождения. По его мнению, в их основе лежат марийские географические термины, личные имена и прозвища, а в структурном плане они представляют собой сложные (образованные из определительных словосочетаний) и простые (непроизводные и производные) единицы: *Кугуелов* < прозвище *Кугу йол* 'Большая нога, Большеногий'; *Кугунеров* < прозвище *Кугу нер* 'Большой нос, Большеносый'; *Шарабуев* < прозвище

Шара буй (< *вуй*) 'Белая голова, Белоголовый'; *Курмузаков* < личное имя *Курмызак* 'Вальдшнеп'; *Ширчиков* < личное имя или прозвище *Шырчык* 'Скворец'; *Изычев* < прозвище или личное имя *Изыч* < *Изич* < *изи* 'маленький' + суффикс -ч; *Кугенеров* < название деревни гидронимического происхождения *Кугенер* < *кугу* 'большой' + *эгер* 'река'; *Кугергин* < личное имя *Кугерге* < *кугу* 'большой' + *эрге* 'сын'; *Кужнуров* < название деревни *Кужнур* < *кужу* 'длинный' + *нур* 'поле'; *Ушнурцев* < название деревни *Ушнур* < *кйш* 'верхний' + *нур* 'поле'; *Купсольцев* < название деревни *Купсола* < *куп* 'болото' + *сола* 'село'; *Кугувалов* < название деревни *Кугувал* < *кугу* 'большой' + *вал* 'колода для водооя, желоб для стока воды'; *Иштриков* < личное имя *Эштерек*; *Ешмеков* < личное имя *Эшмек*; *Апак* < личное имя *Апак* (Галкин 1983 : 5—15). По-видимому, так же следует рассматривать отчества типа *Шуматыч(на)*, *Изергевна*, *Кугергевич*, *Энсаевна*, которые произошли от марийских имен путем присоединения соответствующих русских суффиксов.

К заимствованиям из русского языка И. С. Галкин отнес суффикс *-ишкӓ* в марГ *ородишкӓ* 'глупышка, глупенький' (< *ороды* 'глупец, глупый') и предположительно в марГ *пынишкӓ* 'бледный, худой', марЛ *йырвишка* 'проходимец, случайный' (Галкин 1966 : 32, 145; см. также Сергеев 1995 : 92). По его мнению, при заимствовании гласный *-ы* в марийском языке субституирован гласным *-и*, поэтому вместо русского *-ышка* мы имеем *-ишка* (Галкин 1966 : 32). Для последних двух производных основой послужили, очевидно, существительное (общемар.) марГ *пын* 'шерсть, перо, волосы (на теле), ворс, пух' (> *пынишкӓ* 'обладающий качествами пуха, перышка: тонкий, легкий' > 'худой, бледный') и прилагательное марЛ *йырвий*, ср. *йырвий-юрвий* 'легкомысленно-игривый' (СМЯ 1992 : 197). Суффикс *-ишкӓ* выделяется и в следующих словах горного наречия, образованных от имен: *мыгыришкӓ* 'карапуз' (Саваткова 1981 : 95) < *мыгыр* 'горб, горбатый'; *мыньыришкӓ* 'медлительный, неповоротливый, слабосильный; копун, копуша' (Саваткова 1981 : 96) < *мыньыри* то же (ср. *мыньырталташ* 'копаться, возиться'); *мыртишкӓ* 'малышка' (СМЯ 1998 : 128; КМОЛ 228), ср. *мыртик* 'малыш' (Саваткова 1981 : 96); *йолтишкӓ* 'отвыкший работать, отлынивающий от работы, вертлявый, беззаботный, легкомысленный (о человеке)' (Саваткова 1981 : 39; СМЯ 1992 : 111), ср. *йолт(ок)* 'ясно, (перен.) без ничего' (Саваткова 1981 : 39); *тыртишкӓ* (со ссылкой на *тыртанас*) 'малоразвитый; малорослый человек', ср. *тыртик* 'коротышка' (Саваткова 1981 : 169); также красноуф. *тыртишка* 'волчок, юла': *Тыртишка тыртеш*, *тыртын гая* 'Юла вращается' (MNS 2759, 2757), возможно, от глагола *тырташ*; *чынишкӓ* 'худощавый, худой (о человеке)', ср. *чыникӓ* то же (Саваткова 1981 : 192). Кроме того, *-ишка* выступает в марЛ *ляпишка* 'болтун, трепач; болтливый', ср. *ляпкаш* 'болтать, пустословить, трепать' (СМЯ 1994 : 500). Все перечисленные образования, за исключением красноуф. *тыртишка*, выражают лицо как носителя признака или в единичных случаях (*ляпишка*) как производителя действия.

Известно, что в чувашском языке широко распространен аналогичный марийскому уменьшительно- и уничижительно-ласкательный суффикс *-шка*, *-шке*, при помощи которого образуются, помимо прилагательных, близкие к марийским существительные, например: *амашка* 'непорядочная женщина' < *ама* 'самка' (ЧРС 664); *лачашка/лан-*

ча́шка (пренебрежительное название вялого человека) < ланча 'вялый', *синсе́шке* 'тоненький' < *синсе́* 'тонкий' (Федотов 1990 : 85). М. Р. Федотов под вопросом считает его источником мар. *-ешке/-ешкы* и *-ишкӓ*, но отмечает: «мар. *-ешке* и чув. *-шка/-шке* являются родственными. Однако вопрос о том, кто у кого заимствовал этот аффикс, видимо, остается открытым» (1990 : 85, 86). Нужно отметить, что в его работе убедительные прямые соответствия чувашского суффикса в других тюркских языках не указываются.

Прав И. С. Галкин, рассматривая мар. *-ешке/-ешкы* и *-ишка* как совершенно самостоятельные и по значению, и по происхождению (1966 : 25—26, 32), а *-ишкӓ* восходит скорее к рус. *-ышк(а)*, чем к суффиксу чисто субъективной оценки *-ишк(а)* в словах типа *лгунишка*, *шалунишка*, *сынишка*, *зайчишка* (см. КРГ 69). Образцом послужили, по-видимому, русские слова типа *глупышка*, *малышка*, *коротышка*, *худышка*, обозначающие лицо — носитель признака, названного мотивирующим прилагательным (КРГ 54—55). В марийском языке, особенно в горном наречии, переход *ы* в *и* (впрочем, как и обратный) в истории заимствования русских слов имел заметное место: рус. *ы* в ударяемом положении в горном наречии почти исключительно реализуется через *и*: *вистыпкы* < рус. *выстьпфкъ*; *вутилка* < рус. *бутылка*; *посипкӓ* < рус. *посыпка*, *покришкӓ* < рус. *покрышка* и др. (Саваткова 1969 : 21). Определенное влияние на заимствование *-ышка* могли оказать и другие созвучные русизмы на *-ышка*, *-ишка*, *-шка*, например: марГ *манишка*, *мартышка*, *мормышка*, *покрышка* (марЛ *манишке*, *мартышке*, *мормышке*, *покрышке*), марГ *йӓришкӓ*, марЛ *яришка* 'нищий, бедный, неимущий' (< рус. *ярыжка*). На наш взгляд, русское происхождение *-ишкӓ* в марийском языке в какой-то мере подтверждается и наличием значительного количества русских заимствований с суффиксом *-ушк(а)*.

С точки зрения воздействия русского языка на марийское словопроизводство обращают на себя внимание марГ *казук* 'лгун, врун', ср. *казуаш* 'болтать попусту' (< ? рус. *казать* 'сказывать, говорить, баять' — Даль II 74); *мактук* уст. 'хвальбишка', ср. *макташ* 'хвалить, хвалиться'; *мендук* уст. 'копуша', ср. *мендаш* уст. 'медлить', *мендузы* уст. 'копуша' (Саваткова 1981 : 46, 88, 91). Все они произошли от глаголов с помощью суффикса *-ук* и обозначают лицо по склонности к действию. Отглагольный именной суффикс *-ук* с подобным значением, по всей вероятности, ввиду территориальной ограниченности и устарелости производных слов, в марийских грамматиках не значится. Вполне возможно, что его источник в настоящее время — малопродуктивный русский суффикс *-ух(а)*, выступающий в просторечных словах типа *болтух* (< *болтать*) (ГРЯ 227), *щебетуха*, *крикуха*, *копуха* (КРГ 49), а образцом для марийских образований, наверно, стали единицы типа *болтуха*, *вруха*, (Даль I 111, 260), *копуха*. Как и в случае с *-ух(а)* в личных именах, здесь наблюдаются переход *х > к* и, как и в *-уш(а)*, выпадение безударного гласного *а* в абсолютном конце слова.

В горном наречии имеется собственно-марийское слово с уничижительным значением *ляцушка* 'бестолковая (о девочке)', соотносимое с *ляцӓк* 'особый род мониста у заволжских мариек; перен. вертушка (о человеке)' (Саваткова 1981 : 87). В нем четко выделяется суффикс русского происхождения *-ушка*, который выступает в ряде ранних (боль-

шей частью фонетически уподобленных) и поздних заимствований: марГ *ват'ышка* (орф. *батюшка*), марЛ *вачышка* (орф. *бачышка*) < рус. *батюшка*; марГ, марЛ *матышка* < рус. *матушка*; марГ, марЛ *осмушка* (марГ орф. *осьмушка*) < рус. *восьмушка*; марЛ *чекушка* (орф. марЛ *четушко*, марГ *четушка*) < рус. *четушка*; также марЛ *польишка* < рус. *полушка*, марЛ *кумышка* < рус. *кумушка* (Саваткова 1969 : 89, 103, 92, 123, 111, 110, 101); марЛ *навышка* 'повивальная бабка' (СМЯ 2000 : 9) < рус. *бабушка*; также марГ *катушка*, *кормушка*, *петрушка*, *раскладушка*, *теплушка* (марЛ *катушко*, *кормушко*, *петрушко*, *раскладушко*, *теплушко*) и др. Кроме того, в горном наречии, наряду с глаголом *вертяш* 'распоряжаться по своей прихоти', бытует просторечное *вертюшка* 'вертушка; легкомысленная ветреная женщина' (СМЯ 1990 : 219), может быть, именно оно повлияло на происхождение слова *ляциушка* 'бестолковая'.

В словаре горного наречия с пометой «уст.» дано *йäreц* 'озерная рыба' (Саваткова 1981 : 38). Оно образовано от *йär* 'озеро' с помощью русского суффикса *-ец*, очевидно, по образцу русских названий рыб *живец*, *рыбец*, *синец*, *голец*, *елец*. В марийских словарях такие заимствования не зафиксированы, однако они вполне могли и могут использоваться в разговорной речи как профессионализмы. В наречии представлен ряд довольно ранних русизмов с *-ец* из разных лексико-семантических групп, например: *кыравец* 'караваец; круглый мясной пирог', *купец* 'купец', *мылоца/мылоец* (орф. *млоец* и *молодѐц*) 'млодец, молодой человек; молодѐц, молодчина', *мудырец* 'мудрец', *пырдавец* 'продавец' (Саваткова 1969 : 98, 102, 104, 111), *лоэц* 'ловец', *топец* уст. 'дубец', *утрец* 'нутрец' (Саваткова 1981 : 82, 160, 176). Нужно отметить, что близкий по значению непродуктивный суффикс марГ *-ец*, марЛ, марВ *-ч* (*-еч*) существует и в самом марийском языке, он, согласно утверждению И. С. Галкина, финно-угорского происхождения (1966 : 49). С его помощью в луговом и восточном наречиях образовано лишь несколько существительных: клички собак и прозвища от прилагательных — *Шемеч* 'Чернявка, Чернушка' < *шем(е)* 'черный'; *Ошеч* 'Белка' < *ош(о)* 'белый'; *Олач* 'Пеструха, Пестрая, Пегая' < *ола* 'пестрый, пегий'; *лоптыреч* 'нескладный, мешковатый (о человеке)' < *лоптыра* 'неаккуратный, аляповатый', одно название орудия действия от глагола — *пйтыреч* 'мутовка' < *пйтыраш* 'вертеть, крутить'; в горном наречии — только два слова: *пйтйрец* 'мутовка' < *пйтйраш* 'вертеть, крутить' и *лынтйрец* 'грязнуля' (Галкин 1966 : 49; СМЯМ 75—76). В горномарийских словарях лексема *лянтйрец* не отмечена, но даны производящее прилагательное *лянтйри* 'некрасивый, приплюснутый; бесформенный, несуразный' и родственное ему *лаптыра* 'неаккуратный, аляповатый' (Саваткова 1981 : 87, 77). Приведенные горномарийские примеры следует дополнить отглагольным *тйрлец* 'узор (на полотнах, строениях), резьба' (< *тйрляш* 'вышивать, вырезать узор'). Указанные производные от прилагательных, как и в русском языке, передают значение лица — носителя признака, названного мотивирующим прилагательным, ср. *мудрый* > *мудрец* (КРГ 55). Вероятно, марГ *лянтйрец*, *пйтйрец*, *тйрлец* сыграли известную роль в образовании слова *йäreц*, способствовали более легкому выделению иноязычного суффикса *-ец* и использованию его в марийском словообразовании.

В лугово-восточном литературном языке зафиксировано *шикшар* 'дымарь (для окуливания пчел)' (СМЯ 2004 : 124). Оно возникло при помо-

щи рус. *-ар* от существительного *шикиш* 'дым'. При этом непосредственной моделью послужило рус. *дымарь* (ГРЯ 243, см. также 223). Небезынтересно, что заимствования *букварь*, *словарь* (лит. *мутер*), *сукар* (многие диалекты и лит. *сукара*), а также марЛ *косор*, марГ *косар* 'косарь; большой нож' используются в марийском языке. Из русского языка вошли также слова со значением производителя действия, образованные в языке-источнике с суффиксом *-арь* в основном от глаголов: марЛ *л'екыр*, марГ *л'екыр* 'лекарь', *пекыр* 'пекарь', марВ *писыр*, марГ *писыр* 'писарь', марВ, марГ. *пылугар* 'плугарь' (Саваткова 1969 : 102, 108, 109).

В северо-западном наречии бытует слово *алталун* 'обманщик' (Иванов, Тужаров 1970 : 13), которое произошло от глагола *алталаш* 'обманывать, обмануть' (Иванов, Тужаров 1970 : 13) при помощи русского суффикса *-ун* по аналогии с *врун*, *лгун*. При этом значение суффикса-источника сохраняется — 'производитель действия, названного мотивирующим глаголом' (КРГ 48). В марийском языке и его диалектах (судя по материалам словарной картотеки МарНИИ) употребляется ряд русских заимствований с суффиксом *-ун*: *колдун*, *колун*, *кормун* 'горбун, горбатый', *опекун*, *шалун*, *шатын* (*шатун*); правда, в словаре северо-западного наречия представлено только *кормун*, кроме того — *кипун* 'трясина', ср. в словаре В. Даля *кипунь* 'живородный ключ, родник' (1955б : 109). Возможно, *алталун*, как и *ййрец* и *шикшар*, следует рассматривать как результат создания разговорного окказионализма носителем языка.

Итак, несмотря на то что марийский и русский языки относятся к разным языковым семьям и типологическим классам, в условиях активного марийско-русского двуязычия в марийском языке появляется все больше элементов и особенностей, характерных для русского языка, и не только на уровне лексики. Объектом заимствования иногда становятся даже служебные морфемы, которые попадают в язык в составе многочисленных или нескольких производных слов, осознаются и выделяются как отдельные значимые части и используются в производстве аналогичных единиц на базе других основ. В марийском языке ряд формо- и словообразующих суффиксов восходит к русским источникам. Это суффиксы *-ишкй*, *-ук*, *-ушка*, *-ец*, которые образуют новые лексемы от марийских основ, главным образом со значением лица, в горном наречии.

Address

Serafima Sibatrova

Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History of V. M. Vasiljev
E-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Сокращения

красноуф. — красноуфимский говор восточного наречия марийского языка, **перен.** — переносное значение, **уст.** — устаревшее слово.

ГРЯ — Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология, Москва 1953; **Даль** — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. Том I. А—З; Том II. И—О, Москва 1955; **КМОЛ** — Л. П. Васикова, Кырык марла орфографи лымдер, Йошкар-Ола 1994; **КРГ** — Краткая русская грамматика, Москва 1989; **ЛЭС** — Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990; **СМЯ 1990** — Словарь марийского языка. Том I. А—З, Йошкар-Ола 1990; **СМЯ 1992** — Словарь марийского языка. Том II. И—К (кабак — коса),

Йошкар-Ола 1992; **СМЯ 1994** — Словарь марийского языка. Том III. Косарап — ляпкыме, Йошкар-Ола 1994; **СМЯ 1998** — Словарь марийского языка. Том IV. М—Ӧ (ма — ӧрчыктарымаш), Йошкар-Ола 1998; **СМЯ 2000** — Словарь марийского языка. Том V. Ӧ (ӧрчыктарыме —), П, Йошкар-Ола 2000; **СМЯ 2004** — Словарь марийского языка. Том IX. Ш, Щ, Йошкар-Ола 2004; **СМЯМ** — Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961; **ЧРС** — Чувашско-русский словарь, Москва 1985; **MNS** — Ö. В e k e, Mari nyelvjárásí szótár (Tsche-remissisches Dialektwörterbuch) VIII: t, t', Savariae 2001.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- В и н о г р а д о в В. В. 1947, Русский язык (Грамматическое учение о слове), Москва—Ленинград.
- Г а л к и н И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II, Йошкар-Ола.
- — 1983, Русские фамилии марийского происхождения. — Вопросы марийской ономастики. Выпуск 4, Йошкар-Ола, 5—17.
- — 1986, Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис, Йошкар-Ола.
- Г р у з о в Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.
- — 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола.
- И в а н о в И. Г., Т у ж а р о в Г. М. 1970, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола.
- И с а н б а е в Н. И. 2007, Русские заимствования XVIII века в марийском языке и их тематические группы. — Финно-угроведение, № 2, 48—58.
- — 2009, Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке и их тематические группы. — Финно-угроведение, № 1, 20—38.
- Л а в р е н т ь е в Г. И. 1975, Членение марийского слова на морфемы. — Вопросы марийского языка. Сборник статей к 60-летию со дня рождения профессора Н. Т. Пенгитова, Йошкар-Ола, 50—64.
- — 1977, К вопросу о морфемной структуре русских заимствований в марийском языке. — Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязи с языками и литературами народов СССР. Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания финно-угроведов. 27—30 октября, Ужгород, 40—41.
- — 1984, Состав слова и словообразование в современном марийском языке, Йошкар-Ола.
- М а й т и н с к а я К. Е. 1974, Сравнительная морфология финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва, 214—383.
- П а т р у ш е в Г. С. 1954, Пути обогащения словарного состава марийского языка. — Ученые записки МарНИИ. Выпуск VI. Язык, литература, история, Йошкар-Ола, 23—39.
- С а в а т к о в а А. А. 1969, Русские заимствования в марийском языке, Йошкар-Ола.
- — 1981, Словарь горного наречия марийского языка, Йошкар-Ола.
- С е р г е е в О. А. 1995, Марий йылме. Мут ышталтмаш, Йошкар-Ола.
- У ч а е в З. В. 1982, Марий йылме. 1-ше ужаш, Йошкар-Ола.
- Ф е д о с е е в а Е. Н. 2010, О влиянии русского языка на язык кировских пермяков. — СIFU XI. Pars II, 157.
- Ф е д о т о в М. Р. 1990, Чувашско-марийские языковые взаимосвязи, Саранск.
- Х а й д у П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Ц ы г а н к и н Д. В. 1981, Словообразование в мордовских языках, Саранск.